

СУДЬБА И ТВОРЧЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ ВОЕННОГО ПРИЗЫВА

Т. И. ШАМЯКИНА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируется мироощущение писателей-фронтовиков и тех литераторов, которые пережили Великую Отечественную войну в детстве. Дается оценка политическим и социальным явлениям послевоенного времени с позиции сегодняшнего дня. Освещается вопрос «писатель и идеология». Основное внимание уделяется военному опыту литераторов и его отражению в их творчестве. Анализируется проза наиболее ярких представителей двух поколений писателей. Оцениваются значимые и для нашего времени произведения с точки зрения сюжетов, образов, стилей. Подробно исследуется творчество В. Быкова. Указывается на значение творчества белорусских писателей-фронтовиков в развитии белорусской литературы.

Ключевые слова: писатели-фронтовики; писатель и идеология; военная проза.

DESTINY AND CREATIVITY OF MILITARY DRAFT WRITERS

T. I. SHAMYAKINA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The attitude of front-line writers and those writers who survived the Great Patriotic War in childhood is considered. The author gives an assessment of the political and social phenomena of the post-war period from the perspective of today. The question is highlighted – the writer and ideology. The main attention is paid to the military experience of writers and their reflection in their work. The prose of the most prominent representatives of two generations of writers is analyzed. Significant for our time, works are also evaluated in terms of plots, images, styles. The work of V. Bykov is investigated in detail. The importance of the work of Belarusian front-line writers in the development of Belarusian literature is indicated.

Keywords: front-line; writer and ideology; military prose.

Писатели-фронтовики в социуме послевоенного времени

Особая и очень важная страница в истории белорусской культуры – это творчество писателей – участников Великой Отечественной войны. Автор данной статьи застала всех наиболее ярких представителей этого удивительного поколения в расцвете их творческих индивидуальностей. Богатый жизненный опыт, главным образом военный, сделал из них уже в послевоенное время выдающихся

творцов, произведения которых имели и имеют не только литературно-эстетическую, но и общественную значимость.

Некоторые кардинальные особенности, личностные черты отличают писателей-фронтовиков от других литературных поколений. Во-первых, литераторы военного призыва – А. Кулаковский, А. Панченко, А. Кулешов, А. Макаёнок, И. Мележ,

Образец цитирования:

Шамякина Т.И. Судьба и творчество писателей военного призыва. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;2:72–81.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-2-72-81>

For citation:

Shamyakina T.I. Destiny and creativity of military draft writers. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;2:72–81. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-2-72-81>

Автор:

Татьяна Ивановна Шамякина – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры теоретического и славянского литературоведения филологического факультета.

Author:

Tat'yana I. Shamyakina, doctor of science (philology), full professor; professor at the department of theoretical and Slavic literary criticism, faculty of philology.
shamyakina@tut.by

И. Шамякин, В. Быков, И. Науменко, А. Савицкий, А. Пысин – были полностью советским поколением – родились и провели детство в советской стране и получили неплохое образование еще до Великой Отечественной войны. Во-вторых, они в своей борьбе и творчестве отстаивали, безусловно, советскую идеологию, так как их жизненный опыт подтверждал основные советские идеологемы: СССР победил в самой жестокой, кровопролитной из всех войн в истории; чрезвычайно быстро – за одну пятилетку – восстановил разрушенное в ходе военных действий хозяйство; осуществил космический проект. Значит, делали вывод мыслящие люди той эпохи, социальный строй этой страны наиболее справедливый и правильный.

Характерная особенность писателей-фронтовиков – умение мыслить диалектически (то качество, которое в значительной степени утрачено современной интеллигенцией). Поколение победителей вообще иначе смотрело на жизнь, чем писатели довоенного времени. Творцы, влившиеся в состав Союза писателей БССР (СП БССР) после фронта, были людьми, социально уверенными в себе, волевыми, мужественными, привыкшими к инициативе, самостоятельному принятию решений в самых необычных и чрезвычайно сложных ситуациях. Каждый из них по-своему, соответственно собственному чрезвычайно богатому, несмотря на молодость, жизненному опыту, смотрел на мир и умел видеть в нем разные стороны – иначе не стали бы писателями. Они сами говорили, что за время войны, за 4 года, повзрослели на 20 лет. Действительно, уже следующее, так называемое университетское, поколение белорусских литераторов (у которых на войну пришлось детство) было менее активно в социальном плане, да и в творчестве добились меньших успехов, хотя и обладали безусловным талантом. Однако фронтовики-победители заслуженно гордились собой и понимали, что свое главное дело в жизни они выполнили честно, до конца. Соответственно себя и вели. Они с энтузиазмом участвовали в общественной жизни, являлись членами различных творческих и общественных организаций, ездили в многочисленные командировки, никогда не отказывались выступать перед населением.

Конечно, на протяжении жизни взгляды многих менялись. Что-то в истории и современности познавали, неизменно поражаясь открытиями, к чему-то начинали относиться иначе, чем в молодости. Скажем, И. Шамякин разочаровался в партийной элите. Он и раньше, часто общаясь с чиновниками, с представителями партийной и государственной номенклатуры, видел и понимал, что среди них встречаются люди разные. Так, к П. М. Машерову, К. Т. Мазурову, И. Е. Полякову, тоже героям – участникам войны, относился с исключительным уважением. Сам первый секретарь компартии Белоруссии П. М. Машеров

любил видаться с литераторами: с председателем СП БССР Максимом Танком, первым секретарем организации Иваном Шамякиным, лучшим драматургом того времени Андреем Макаёнком беседовал часами, прислушивался к их мнению. И это не преувеличение. К Петру Мироновичу писатели могли приходиться без предварительной записи, и он их сразу же принимал. Выдающийся деятель белорусского государства П. М. Машеров хорошо понимал, что писатели, во-первых, ближе к народу, к живой жизни, чем самые добросовестные чиновники; во-вторых, творцы умеют видеть в действительности такие приметы, факты, явления, которые в официальных бумагах никогда не отражаются; в-третьих, владеют синтезирующим, обобщающим, философским, диалектическим взглядом на вещи.

В связи с общественной позицией писателей-фронтовиков особо необходимо отметить их отношение к идеологии.

Советские писатели, участники Второй мировой войны, резко негативно относились к нацистской идеологии: здоровая народная основа, национальная культура позволили им сразу почувствовать кровавость фашистской доктрины и отшатнуться от нее. Янка Брыль в романе «Птицы и гнезда» (1964) показывает влияние нацистских идей на незрелые души. Действие романа происходит в среде воинов польской армии, начавшей воевать с гитлеровцами в сентябре 1939 г., которую предало свое правительство и сбежало в Румынию, а затем в Великобританию. Вопреки тяжелейшим жизненным обстоятельствам, главный герой романа – белорус Алесь Руневич – не поддался разрушительным идеям, был уверен: «Мой мир – моя вера, надежда, любовь – со мной». Эти слова, излагающие, по существу, национальную культурную парадигму, стали, можно сказать, жизненным кредо и для всего поколения писателей-фронтовиков.

Говоря о приверженности советской доктрине писателей-воинов, нельзя, однако, не отметить, что они, люди наблюдательные и умные, не могли не видеть и недостатки существующего строя, глупость и некомпетентность в управлении военными операциями, бездушные представители бюрократии по отношению к простым людям в тылу. Все это так или иначе отразилось в их послевоенном творчестве.

Освобождение из-под власти идеологических химер под влиянием драматических обстоятельств жизни сами писатели воплотили во многих произведениях, вложив собственные духовные устремления в своих героев. В повести И. Шамякина «Огонь и снег» (1957) показано, как Петр Шепетович, главный герой произведения, который всегда верил партийным лозунгам, постулатам государственной пропаганды (подобно самому писателю), постепенно меняет свои взгляды.

Удачно показал и старший из поколения фронтовиков А. Кулаковский в своей военной дилогии «Расстаемся ненадолго» (1951–1954) и «Встречи на расстанях» (1959–1961) невозможность вложить объективную истину в рамки приказов, инструкций и распоряжений – жизнь сложнее, разнообразнее любых циркуляров, и полагаться следует на инициативу активной и думающей личности, на творчество самих масс.

Эти первые произведения с критикой не строя, а негодных руководителей обычно связывают с политикой *десталинизации* после известного доклада Н. С. Хрущева «О культе личности Сталина», озвученном на XX съезде КПСС (1956). Однако автор статьи помнит, что после того, как доклад зачитали на закрытом партийном собрании в СП БССР, писатели-ветераны были ошеломлены, подавлены, растеряны, но нельзя сказать, что сразу же, без оговорок, приняли линию партии. Споры в квартире И. Шамякина не прекращались буквально на протяжении месяцев, да и позже друзья-писатели не раз возвращались к съезду и докладу Хрущева. Влияние материалов доклада, дискуссий и рассказов один другому о разных жизненных ситуациях многое определили в творческом развитии писателей-фронтовиков, сделали их раскованными мастерами слова. Причем разочарование в самом Хрущеве у писателей пришло довольно скоро, еще во время властвования Никиты Сергеевича, т. е. до 1964 г. В либеральной прессе до сих пор славят хрущевскую оттепель. Однако Михаил Шолохов назвал ее «слякотью», и не случайно. Удачно найденное слово обыгрывается и в современных произведениях: серьезных монографиях, статьях, докладах, например, «Не “оттепель”, а “слякоть”» историка Евгения Спицына [1, с. 8].

Впрочем, удивительную *атмосферу* того времени не доносит ни одно произведение, разве что «Сердце на ладони» И. Шамякина. Недаром роман приобрел исключительную популярность не только в Советском Союзе, но и за рубежом, он переведен на десятки языков. Для писателей военного поколения 1950–60-е гг. были, пожалуй, самым счастливым временем в их жизни и творчестве. Во всем ощущался подъем и развитие, жажда действовать и создавать, люди оптимистически смотрели на мир. Но заслуга ли в этом Хрущева?

Видимо, общая эмоциональная, психологическая атмосфера времени определялась тем *энтузиазмом*, который докатился на волне радости от победы до 1950-х и даже до 1960-х гг. В эпоху Античности радость победы эллинов над персами вылилась в расцвет культуры, в величайшие достижения искусства, философии, социальные движения, так что этот период был назван классическим. Так и в Советском Союзе: на удивление быстрое восстановление страны и расцвет науки давали надежду и на лучшую жизнь в будущем. В то время

многие действительно верили, что через 20 лет, как пообещал Н. С. Хрущев, будут жить если не в коммунизме, то в богатой и счастливой стране, в обновленном мире. А в начале 1990-х гг. уже не коммунисты, а демократы внушали веру в едва ли не мгновенный рывок в капиталистический рай, и им наивные советские люди верили, пожалуй, еще более искренне, чем советским властям. Вот действие определенного сорта идеологии, социальных мифов, которое намного возрастает благодаря массмедийной пропаганде.

Впрочем, тогда, с середины 1950-х до конца 1960-х гг., СССР имел все возможности развиваться интенсивно и планомерно. (В скобках отметим, что рассматриваем процессы в обществе не только с политической точки зрения, но и под знаком *цивилизационной парадигмы*. Непреходящая радость победы, а также расцвет науки и техники, многими достижениями которых пользуемся сегодня, и определили особую общественную атмосферу тех лет.) Пройдя через точку бифуркации, когда на пике открывающихся перспектив властители СССР такими возможностями не воспользовались, развитие цивилизации пошло в другую, чем можно было рассчитывать, сторону. А сегодня серьезные аналитики пишут о безусловном крахе того социального строя, в который так бездумно загнали правители республик бывшего Советского Союза свои народы в начале 1990-х гг.

Размышляя о политических истоках крушения СССР – самого важного и трагического события второй половины XX в., – необходимо постоянно помнить о *пусковом механизме* процесса развала великого государства – докладе Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС. Его поступок оценили по-разному. В разговорах писателей имя Сталина звучало так же часто, как и имя Н. С. Хрущева (а затем Л. И. Брежнева). Бывшие фронтовики к тому времени уже успели съездить, и не раз, за рубеж. Они видели исключительное уважение к советским людям во всех странах, где *решающую роль* именно СССР в разгроме гитлеризма никто тогда не ставил под сомнение. Писатели гордились могуществом своей державы и связывали это могущество с именем Сталина. В большинстве своем они не могли принять оценку Сталина Хрущевым. Художественной интуицией наиболее талантливые из них, например А. Макаёнок, чувствовали ложь официальной пропаганды, которая вдруг поменяла вектор на 180 градусов. Андрей Егорович, которого автор статьи мог наблюдать едва ли не ежедневно (он был другом И. Шамякина), сопротивлялся этому стремлению повлиять на его мозги, исключительно эмоционально, болезненно воспринял смену мифа. И в то же время именно тогда вернулись из Сибири и Дальнего Востока репрессированные в 1930-е гг. писатели, например, Владимир Дубовка, Ян Скрыган, Сергей Граховский. Ян Скрыган, скажем, стал соседом по подъезду Янки Брыля, Ивана Мележа

и Ивана Шамякина в доме по улице К. Маркса, 36, много рассказывал о лагерях, поселениях. Таким образом, не верить Хрущеву относительно ГУЛАГа писатели не могли. Однако от русских и украинских коллег, с которыми тогда общались очень часто, они знали о значительной, если не определяющей роли самого Н. С. Хрущева в репрессиях. Да и позднейшие события приводили к разочарованию в нем. Помнится не просто критика, а остроумные издевки писателей над волюнтаристскими, просто несуразными идеями руководителя страны: распространение кукурузы, насаждение совнархозов, разгром Церкви, репрессии против художников-модернистов, ограбление крестьянских хозяйств и т. д.

В своих размышлениях об истории XX в. И. Шамякин, который пережил многих из своих друзей (умер в 2004 г.), уже в конце жизни при всех своих положительных оговорках относительно деятельности Н. С. Хрущева вынужден был признать, что разумной стратегии в развитии страны при нем не было, что энергия народа, так мощно проявившаяся ради достижения Победы, восстановления страны, начала рассеиваться в пространстве, уходила в песок, пропадала зря. Хотя сами писатели, концентрированно собрав эту энергию в образах своих героев-борцов, стремились задержать процесс энтропии, сохраняли в произведениях народный опыт и этим воспитывали население.

Таким образом, писатели-фронтовики очень сложно жили внутри советской действительности,

противоречиво относились к политическим мифам того времени. Во всяком случае, они были настроены гораздо более критично, чем многие современные литераторы по отношению к мифам *либеральным*. Скажем, марксистскую доктрину и в целом коммунистическую идеологию писатели-фронтовики однозначно понимали как мифологию, как что-то неизбежное, типа климата, с чем необходимо смириться. А вот миф о Сталине, озвученный Хрущевым, они восприняли буквально с раздвоением собственной души. Всегда необходимо помнить, что именно они – победители фашизма, самого зловещего мифа в истории, – начали критиковать режим, партийных функционеров еще до XX съезда. Развенчанная снизу номенклатура испугалась и направила критику устами Хрущева на одну личность, сама же избежала наказания. Станислав Куняев, известный русский поэт, пишет на этот счет: «Ненависть к Сталину лишала “шестидесятников” не только литературных способностей, не только ума, но и честности по отношению к истории Отечества. Мы, патриоты, не выдерживали имя и дела Сталина из потока истории, но, наоборот, погружали в нее, понимая, что при тогдашних обстоятельствах картина жизни эпохи не могла быть другой» [2, с. 117].

Эту «картину жизни эпохи» и воссоздавали, каждый в меру своего таланта, писатели-фронтовики – наиболее драматичное по судьбам поколение XX в. А в литературе самое значительное!

Творческие индивидуальности поколения победителей

Правдивые произведения у некоторых творцов стали появляться еще на фронте, в ходе военных действий, или же сразу после победы.

Показательна в этом отношении военная и творческая биография И. Мележа. Иван Павлович Мележ родился 7 февраля 1921 г. на Гомельщине в обычной крестьянской семье. Поскольку отличался выдающимися способностями, смог поступить в Московский институт философии, истории и литературы – самое, пожалуй, престижное в то время учебное заведение СССР, где учились дети номенклатуры и известных деятелей культуры. С началом войны был призван в армию, в артиллерийский полк. Служил в Карпатах, участвовал в освобождении Северной Буковины. Были у него тяжелые отступления, бои в окружении, ранения. Умелый хирург спас парню простреленную руку, которая так оказалась нужна потом, в писательской работе. Долго лечился в Грузии, был комиссован в 1942 г., учился в педагогическом институте в Молдове, а затем в БГУ, размещавшимся на станции Сходня под Москвой. Тогда же начал писать рассказы.

После освобождения Беларуси в 1944 г. вместе с университетом Мележ переехал в Минск, где жил постоянно до конца жизни (умер в 1976 г.). Окончил

филологический факультет, аспирантуру, работал преподавателем белорусской литературы, потом редактором журнала «Полымя». В начале 1950-х гг. выходили его книги: сборники рассказов, повести, две пьесы, роман «Минское направление».

В ранних произведениях ярко очерчивается эпичность художественного видения писателя. Выявляется она в разных аспектах: в широких связях характеров и обстоятельств, аргументированности мотивировок поступков и переживаний персонажей, в умении заметить и проследить движение характеров.

Знаменитая трилогия «Полесская хроника» – основное достижение писателя – как-то заслонила первый мележовский роман «Минское направление», посвященный освобождению Беларуси в ходе боевых действий. Между тем произведение это значительное и по-своему интересное. Роман появился еще в 1952 г., затем, в начале 1970-х гг., автор его существенно переработал в духе веяний времени – стремления романистов прежде всего к монументальности и панорамности, поскольку шел процесс осмысления военных событий. В романе еще видны болезни роста самого прозаика, поиск им самого себя, своего стиля. Однако уже в пер-

вом варианте замечаются приметные достоинства произведения: стремление видеть и показать всю Беларусь – и фронт, и тыл – как единую панораму борьбы, героизма и трагедии военных лет; удалась линия комбрига Ивана Даниловича Черняховского, к образу которого И. Мележ обратился первым из писателей; примечательны многочисленные правдивые детали, черты психологии и быта.

Большинство произведений о войне в основном автобиографические. Мележ пошел другим путем, взявшись за широкое полотно и показав события, в которых непосредственного участия не принимал (автобиографичны преимущественно его рассказы).

Романный опыт Мележа очень пригодился ему в написании «Полесской хроники» – в полном смысле слова народной эпопеи.

В почти каждом произведении Ивана Петровича Шамякина, коллеги, друга и соседа И. Мележа, в той или иной степени отражена Великая Отечественная война. Достаточно вспомнить роман «Глубокое течение», повести «Брачная ночь», «Торговка и поэт», пентологию «Тревожное счастье», а также романы о современности, но обязательно с военной ретроспективой как основой сюжетов: «Сердце на ладони», «Снежные зимы», «Возьму твою боль», «Зенит». Тема их – подвиг народа в войне, а сюжеты, подходы к теме, места действия, характеры героев – все очень разные. Многие произведения И. Шамякина экранизированы.

Иван Шамякин приобрел известность после появления в журнале «Полымя» (1945, № 11, 12) его повести «Мечь». Известный литературовед, академик и сам знаменитый прозаик Иван Науменко писал относительно первой повести Шамякина: «...начиная с “Мести”, определилось направление творческих поисков писателя. Ивана Шамякина прежде всего интересует становление характера, духовного облика его современника»¹ [3, с. 8].

Сегодня, с высоты времени, можно отметить и другие достижения молодого автора, ярко проявившиеся уже в первом произведении.

Шамякина называют «летописцем своей эпохи» (В. В. Гниломедов) – второй половины XX ст., периода необычайно бурного, противоречивого, отмеченного как прорывами во многих сферах жизни, так и деградацией – социальной, моральной, культурной. Ни один из белорусских писателей в такой степени не охватил важнейшие проблемы времени, не показал бесчисленные ситуации и конфликты более чем пятидесятилетнего пути Беларуси.

Шамякина всегда называли мастером сюжета. И в первой его повести сюжет уже владеет той реaktivностью, которую видные литературоведы XIX и XX вв. считали важнейшим качеством настоящей литературы. Во всех своих произведениях Шамя-

кин блестяще осуществлял имманентность развития сюжетов, это значит, раскрывал закономерности, глубинно и органично характерные для того или иного социального явления.

Шамякин писал повесть «Мечь» в освобожденной Германии сразу после Победы, еще горячо переживая произошедшие в последнее время события. Весь мир ожидал, что советские воины будут мстить немецкому населению; и жажда мести в сердцах советских солдат, из которых почти каждый извещал утрату близких на оккупированной территории, безусловно, жила. Но она жила в бою, когда с врагом встречаешься лицом к лицу, в честном поединке. Для славян вообще на всем протяжении истории не был характерен постулат «око за око, зуб за зуб», тут не практиковалась кровная месть, тут сохранились – даже в самых драматических ситуациях – рыцарские отношения к женщине и нежные – к детям. Проникнутый глубоким чувством святости детства и материнства, советский майор Романенко щадит жену и детей немецкого майора, который убил его мать и дочь.

Автор видел свой долг в том, чтобы не только донести до читателей правду эпохи, ее событийную сторону, но и передать психологическую атмосферу. Так, нельзя не заметить, как удачно он показывает неизбежное воздействие на советских воинов, горевших жаждой мести, атмосферы наступления, победоносного похода, радость людей в предчувствии Победы и их благородство, доброту, снисходительность к населению Германии.

Для достижения большей убедительности в показе душевного движения главного героя Шамякин уже здесь, в первой повести, вводит сюжетный прием ретроспекции, который в дальнейшем будет использовать очень часто. Посреди текста повести, действие которой происходит в Германии на подступах к Берлину, он вводит достаточно большой отрывок, в котором рассказывается о том, как советская войсковая часть освобождала родную деревню Романенко, где он встретился с женой, тяжело больной после убийства дочери и свекрови немецким палачом Визинером.

Кроме использования ретроспекции, один из первых в поколении писателей-фронтовиков И. Шамякин уже в повести «Мечь» достиг еще одного успеха: овладел психологическим приемом раскрытия души человека через пейзаж. Война и мир – не просто состояние общества, но и состояние человеческой души, которая раскрывается в том числе через отношение к природе. Многочисленные пейзажные картины в повести играют роль дополнительного камертона, передают приметы времени: с одной стороны, дикость, убийства, ужас и смерть, с другой – гармония природы, возвышающая человека.

¹Здесь и далее перевод наш. – Т. Ш.

Таким образом, уже в первом крупном и во многом знаковом для того времени произведении «Месть» Шамякин показал себя талантливым, чрезвычайно перспективным прозаиком, который смело решал психологические задачи и по-новаторски овладевал сюжетикой.

Одним из наиболее заметных произведений И. Шамякина является его пентология «Тревожное счастье» (1957).

Пентология (она была первой в белорусской литературе) состоит из пяти повестей, охватывающих время предвоенное, военное и послевоенное. Непосредственно Великой Отечественной войне посвящены три повести. Из них по эстетическим достоинствам особенно выделяется третья – «Огонь и снег».

Повесть «Огонь и снег» критика оценила чрезвычайно высоко – как одно из лучших произведений белорусской литературы о войне. Важно отметить, что Шамякин писал пентологию одновременно и даже раньше, чем Константин Симонов роман «Живые и мертвые», раньше, чем Василь Быков многие свои повести. Между тем Шамякин ставил здесь те же проблемы, что и названные прославленные писатели: недостатки в командовании советскими войсками, бездушие властей в отношении конкретного человека, героизм обычных людей, важность морального духа воинов для окончательной победы.

Особенно значимо это произведение как документ первого этапа войны. Академик В. А. Коваленко на этот счет писал: «Неприхорошенный показ начала войны и первых поединков с вражескими самолетами был важной заслугой писателя, поскольку часто в прозаических произведениях тех лет как раз замалчивалась суровая, трагическая правда о первоначальном периоде войны, что мешало реалистическому взгляду на ход всех военных событий, а нередко не позволяло показать во всем величии невидимый героизм советских солдат...» [4, с. 96].

В повести автор выбрал форму дневника. Его пишет главный герой – *alter ego* автора – Петр Шепетович.

При всей искренности и непосредственности дневниковых записей в повести чувствуется строгий отбор жизненного материала, взятого для показа, и отчетливо выдерживается сюжет. Герой романа Шепетович – рефлексирующий молодой белорус, который постоянно обдумывает и анализирует явления жизни и характеры людей. Вот он пишет в дневнике после назначения его командиром батареи: «В такое время хорошо отвечать только за себя и больше ни за кого. Написал я это и подумал: а как же те, кто несет ответственность за судьбу всего полка, армии, всей страны? Ничтожными показались мне проблемы, страхи, переживания. Я просто испугался новых трудностей. А я не

имею права бояться – нужно все преодолеть, нужно быть готовым к большим трудностям и большей ответственности!» [5, с. 243].

Мобилизация душевных сил Петра происходит в преодолении страхов, в чувстве единства с бойцами, в дружеских беседах. Между тем военная обстановка необычайно сложная. В июле 1941 г. Петр отметил, что немецкие самолеты летали без передышки: «Мы стреляли по несколько раз в день. <...> Они не давали нам уснуть больше чем на час-два в сутки» [5, с. 255]. Батарея И. Шамякина успешно на протяжении всех лет войны отбивала атаки немецких самолетов, стремящихся бомбить корабли союзников.

Герои пентологии в своем повседневном бытии не отделены от жизни всей страны и мира. Дневнику Петр доверяет свои мысли и о международной ситуации. Именно через незамерзающий порт Мурманск, где служил Шамякин и где происходит действие повести, шла основная помощь Советскому Союзу от союзников по ленд-лизу. И когда на улицах Мурманска появлялись английские моряки, их встречали дружелюбно. Никакой подозрительности к «капиталистам» не было. Здесь необходимо иметь в виду, что в СССР в 1930-х гг. власти воспитывали ненависть к идеологии фашизма, но уверяли, что простые люди в других странах – всегда наши союзники и искренние друзья. Между тем 14 стран Европы воевали вместе с Гитлером против СССР...

Уже в 1960-х гг. белорусская литература считалась одной из самых развитых в СССР, да даже и в мире, причем славу ей создавали преимущественно писатели военного призыва. Сегодня значение их произведений еще больше возрастает, ведь это свидетельства *непосредственных участников* событий, которые успели их глубоко и всесторонне осмыслить.

Одним из наиболее известных авторов фронтового поколения являлся Василь Быков. Наибольшая его заслуга перед мировой литературой – правдивый показ психологического состояния личности на грани человеческих возможностей.

Василь Владимирович Быков родился 19 июня 1924 г. на Витебщине. До войны он учился в Витебском художественном училище – хотел стать скульптором. Но «лепить» человека в конце концов стал с помощью слова.

Буквально с первых дней войны он оказался в вихре самых суровых обстоятельств. Воевал в артиллерии и пехоте, был дважды ранен. Жесткость военной судьбы определила трагическое мировосприятие писателя и драматический пафос его творчества.

Дебютировал он в 1949 г. рассказами «В тот день» и «Первый бой», в которых развенчивал фронтовую романтику, характерную, как пишет сегодняшняя критика, для первых произведений писателей-

фронтовиков. Но потом Быков долго не печатался, и его рассказы, вышедшие в 1956 г., прозвучали как первые. Действительная удача писателя – повесть «Журавлиный крик» (1960). Произведение представляет серию портретов солдат, рассказывает, дополняя экскурсами в прошлое, о последнем дне их жизни в 1941 г. Подчеркнуто сюжетно обыденная, лишенная патетики повесть тем не менее чрезвычайно трагична. Синтез обычного и трагического в ситуации *выбора* – яркая особенность быковского стиля. «В. Быков, возможно, как никто другой в советской литературе, отразил трагедийность войны» [6, с. 27].

Чрезвычайно густо и колоритно показан фронтовой быт в замечательной повести «Третья ракета» (1962). Тут, как ни в каком другом произведении В. Быкова о войне, раскрыта связь между героическим и будничным. Писатель продемонстрировал глубокое знание психологии солдата, умение передать в органическом единстве драматизм события и личные переживания внутренней жизни героев. Правда войны раскрывается и точным отражением трагичной ее стороны, и показом благородства, бескорыстия советских людей, и передачей атмосферы фронтового товарищества. В повествовательной манере автора – и это его открытие – чувствуется синтез эпичности, драматизма и лиризма.

Сюжеты повестей В. Быкова во многом однотипны, его художественная манера, излюбленные приемы повторяются в каждом произведении, но повторяются всегда по-разному. Так было в повестях «Журавлиный крик», «Измена», «Третья ракета», «Альпийская баллада», «Мертвым не больно», «Круглянский мост», «Проклятая высота». Последние три произведения жестко критиковали за «поклеп на партизан», «борьбу в собственном окопе», «лабораторный реализм». Но произведения искусства необходимо судить по законам, избранным самим писателем. Сюжеты В. Быкова не так занимательны, как у И. Шамякина, они носят, как правило, локальный характер, в основе каждого из них стоит определенная проблема. Например, в повести «Круглянский мост» эта проблема очень серьезная: какие средства могут быть использованы для достижения цели?

Читателей и строгих критиков, скорее всего, неприятно удивила как бы «измена» писателя своей фронтовой теме, гарантированной военным опытом автора, разочаровал переход к теме партизанской, жизненный материал которой не был ему известен. Действительно, в «партизанских» повестях встречаются смысловые нестыковки и сюжетные выпадения, невозможные во «фронтовых» произведениях. Но писатель остался верен нравственно-философским проблемам войны, при этом смысловой акцент переместил от внешних обстоятельств к внутреннему содержанию личности, о чем пре-

красно засвидетельствовала самая, пожалуй, известная повесть В. Быкова «Сотников» (1971).

В повести сталкиваются две жизненные концепции, противостоят принципиальность и прагматизм.

Два партизана – Рыбак и Сотников – выходят из леса, чтобы добыть еду для голодных, наполовину окруженных врагами товарищей. После разных перипетий и встреч с местным населением оба попадают в плен. На допросе Сотников держится мужественно, а Рыбак решает перехитрить врагов и остаться жить. Это ему удастся, но его сразу делают полицейским. И шаг за шагом он идет по пути измены.

Повесть в свое время вызвала бурную полемику и сегодня тоже воспринимается по-разному, как и каждое значительное произведение. Герои не одномерные, нельзя сказать, что один во всем положительный, другой – отрицательный. Сотников – человек образованный и культурный, с твердыми убеждениями, его мысли и чувства подчинены определенным принципам, от которых он не отступает даже перед лицом смерти. Все прошлое Рыбака – приличное существование естественной, нетребовательной натуры человека: живет так, как это диктуется привычным ходом вещей. Испытание смертью он не выдерживает. Такого понятия, как моральная победа над врагом, для него не существует. Рыбак явно не дорос до понимания, что принципы могут быть дороже жизни, и поэтому ищет компромиссы. В результате он помогает немцам казнить Сотникова.

Ныне повесть «Сотников» оценивается как притча, в которой ставятся вечные проблемы человеческого существования: она напоминает библейский сюжет о Христе и Иуде. Особенно отчетливо это прочитывается в выдающемся фильме «Восхождение» режиссера Ларисы Шепитько, снятом по этой повести.

То, что гуманизм неистребим, что он всегда, даже во время войны, духовно творческий, утверждается в повестях В. Быкова «Обелиск», «Его батальон», «Пойти и не вернуться», «Дожить до расвета». В этих произведениях писатель повествует о разных формах народного героизма, о сложностях борьбы в условиях чрезвычайно жестокого оккупационного режима, который диктовал своеобразные, иногда даже, на взгляд современного человека, парадоксальные формы поведения.

Значительный шаг в творческом развитии В. Быкова – повесть «Знак беды» (1982), для которой характерно философско-психологическое и социально-историческое осмысление связи времен, так что и это произведение приобретает характер притчи, а его герои – Петрок и Степанида Богатыки – воспринимаются как варианты национально-характера белоруса, персонифицируют разные виды его менталитета. За повесть «Знак беды» В. Быков получил Ленинскую премию (1986) – фак-

тически самую в то время высокую в СССР награду за творческую работу.

Государственная премия СССР (1974), несколько престижных именных литературных премий, звание Героя Социалистического Труда (1984), народного писателя БССР (1980) – так отмечена в советское время вся деятельность В. Быкова, его идейно-эстетические поиски.

Писатель содействовал дальнейшей драматизации литературы, приближал художественное творчество к жизненно-документальной первооснове, развивал такие неотъемлемые качества белорусской прозы, как ее философичность, аналитизм, психологизм.

Произведения В. Быкова построены на пересечении важнейших координат человеческого бытия. Роман «Карьер» (1985), повести «В тумане» (1988), «Облава» (1989), «Стужа» (1991) – заголовки с негативной коннотацией характерны для В. Быкова – во многом подвели итог творческим достижениям художника слова. Как сегодня видится, произведения того времени, когда *готовился развал СССР*, не были лишены некоторой прямолинейности, определенной схематичности: история после открытия многих документов все же оказалась сложнее, чем виделось тогда писателю. Правда, необходимо помнить, что творчество В. Быкова вовсе не воссоздает определенные исторические события, как, например, большинство произведений И. Мележа

и И. Шамякина, а свидетельствует прежде всего о человеке в сложных жизненных ситуациях; при этом следует учитывать, что для литературы характерна так называемая *художественная условность*.

Критики пишут об *экзистенциализме* прозы В. Быкова, о нарастании в нем ощущения все большей абсурдности бытия. Во многом творчество писателя содействовало изменению ценностей советского человека.

В 1990-х гг. и в начале XXI в. некоторые идейные черты творчества В. Быкова приобретают еще большую остроту. Своеобразным наполнением ниш белорусской истории стали сборники рассказов и притч «Стена», «Ходильцы», повести «Полюби меня, солдатик», «Болото». Они не приобрели широкого резонанса, потому что ситуация в стране изменилась, стало иным и отношение к книге: людям было не до чтения, тем более чтения произведений трагических – трагизма более чем хватало в жизни.

В это время В. Быков обращается к возрождению национальной традиции, идущей от «Сказок жизни» Я. Коласа, – аллегорически-символическому показу действительности в «Баснях жизни», повестях «Труба» и «Волчья яма».

В последние годы жизни В. Быков серьезно болел, часто выезжал за рубеж, довольно долго жил в разных странах Европы, но, в конце концов, вернулся в родную Беларусь. Умер писатель в 2003 г. в Минске.

Творчество литераторов, переживших войну в детстве

Творчество писателей, переживших войну в детстве, находилось под мощным воздействием предыдущего поколения – литераторов-фронтовиков, которые определяли всю литературную ситуацию на протяжении десятилетий. Однако достижения следующего за ними поколения также значительны.

«Детское» поколение представителей военной прозы возглавляет, безусловно, Алесь Адамович (1927–1994). Он автор многих популярных произведений разных жанров. В его романной дилогии «Война под крышами» и «Сыновья идут в бой» отражена борьба с оккупантами подростка Адамовича и его семьи в партизанском отряде.

Особая страница в творчестве писателя – книга, подготовленная им в соавторстве с Я. Брылем и В. Колесниковым «Я из огненной деревни» (1975), имевшая большой международный резонанс. Это книга документальная – записи исповедей белорусов, спасшихся в сожженных деревнях от расправ нацистов. Далее вместе с известным российским писателем Д. Граниным А. Адамович создал «Блокадную книгу», где зафиксированы рассказы выживших блокадников Ленинграда. Традиции этих строго документальных, очень драматичных по со-

держанию книг продолжила ученица А. Адамовича С. Алексиевич.

«Хатынская повесть» (1972) А. Адамовича – «произведение о жуткой, трагической правде войны, фашистской оккупации. Произведение имеет документальную основу, в нем звучат воспоминания живых свидетелей о сожженных белорусских деревнях. “Хатынская повесть” – книга-исповедь, книга-память, книга-диалог человека с человеком и человечеством о том, что такое война, фашизм и современный неофашизм» [7, с. 282].

Все творчество А. Адамовича – это незаживающая память войны. Оставил он и собственно книгу воспоминаний «Vixi» (1993) (латинское название означает «Прожитое»). В основном это дневниковые записи и размышления с высоты современности о событиях прошлого.

Алесь Адамович – один из тех, кто ставил рядом Сталина и Гитлера. Как это сравнение отразилось *сегодня*, вряд ли стоит говорить: некорректное и неправильное по существу, оно повлияло на все более набирающий силу пересмотр итогов Второй мировой войны идеологами западных стран. А многие из этих стран в той или иной форме участвовали в походах Гитлера на СССР... Тем не менее мемуа-

ры А. Адамовича интересны как подведение итогов значительной личности в жизни и литературе...

Среди писателей, близких А. Адамовичу по возрасту, – Иван Чигринов, Иван Пташников, Михаил Стрельцов, Борис Саченко и др.

В вызревании первого, самого успешного, романа И. Чигринова «Плач перепелки» (1972) одну из важнейших ролей сыграла сама атмосфера 1960-х гг. – оптимистическая, жизнерадостная, связанная, как уже отмечалось, с *инерцией ощущения Победы* в Великой Отечественной войне. Пик научно-технической революции, прорыв в космос, острота задачи сохранения мира на планете, забота о природе, информационный взрыв – все эти огромной важности проблемы поставили искусство перед необходимостью выбора новых приемов и средств отражения жизни. Литература чувствовала потребность осмыслить путь, пройденный обществом за большую половину бурного XX в. Особенно это касалось нашей страны, народу которой довелось пережить значительно больше, чем любому другому на Земле. Самым важным событием эпохи для белорусской нации была и остается Великая Отечественная война. Это хорошо сознавали писатели. В 1960-х гг. в литературу вошло поколение, которое испытало ужасы войны, но не в окопах и не на батареях, а в тылу, в самых жестоких условиях выживания мирного населения при оккупации. Они – свидетели военных событий и ее участники – в меру детских сил помогали взрослым выживать и бороться. К поколению детей войны и принадлежал Иван Гаврилович Чигринов (1934–1996).

Иван Чигринов – писатель с романским типом мышления, хотя начинал он свое творчество, как и большинство прозаиков, с рассказов. Уже в них ярко выявилась творческая манера автора, подчеркнута традиционная, с гармонической уравновешенностью разных средств и приемов. Писатель необычайно тонко и умело сконцентрировал в своих произведениях, особенно в романах, лучшие достижения белорусской национальной *эпической традиции*, развивая ее в новых условиях и на новом уровне.

В романах «Плач перепелки», «Оправдание крови», «Свои и чужие» И. Чигринов стремился к причинно-следственному и нравственному осмыслению военных событий. Он удачно сочетал глубину социального исследования с общей картиной жизни народа, могучие силы и возможности которого проходят испытания именно во время войны.

Стилевая доминанта романов И. Чигринова держится на атмосфере *переходности* – от мирного бытия к военному, от гармоничного существования к социальному хаосу, от методичных условий жизни к мобилизационным. Действие происходит в начале войны, до оккупации и в первые ее месяцы. Очень сложно людям, которые еще видят перед

собой любимые ландшафты и односельчан, делают обыденные дела, понимают, что рядом существует что-то совершенно противоположное привычному ходу вещей. Сознание отказывается связывать разные полюсы и категории измерений.

И. Чигринов описывает реальную местность, свою родину – Могилёвщину, постоянно руководствуется точным календарем, у его героев есть прототипы. Произведения И. Чигринова построены на сложном переплетении философских, социальных, нравственных конфликтов. Война – проверка духовной прочности героев, их гражданственности. Вера писателя в творческие возможности человека, в неумирающие народные ценности позволила правдиво и убедительно показать личностей (Забыбу, Чубаря, Масаю), которые смогли разобраться в сложных проблемах бытия, стали активно участвовать в драматических событиях. Чрезвычайно отличаются герои И. Чигринова от инфантильных, амбивалентных персонажей произведений литературы 1980–90-х гг., да и последующих лет. Тем и ценны повести и романы советских писателей о Великой Отечественной войне, что показывали сильных духом, хотя и не без определенных недостатков, людей, в которых есть идейные и нравственные убеждения. Судьба войны решалась в душах белорусов в тот период. Победа оказалась возможной благодаря *духовному потенциалу* советского народа.

В своих произведениях писатель раскрывает события в их историческом своеобразии, учитывает взаимосвязь явлений и общую перспективу развития. Элементы синтеза в романах И. Чигринова ощущаются прежде всего в полноте выявления противоречий жизни, в естественности поведения героев, всестороннем проявлении их сущности, в социальной и человеческой значимости образов, в художественном осмыслении истории.

По-иному решает во многом подобные с И. Чигриновым задачи еще один представитель поколения, детство которого пришлось на войну, – Иван Николаевич Пташников (1932–2016).

Стиль И. Пташникова тяжеловесный, сложный, насыщенный многочисленными деталями и подробностями. Но сложность такого типа идет от того, что сельскую жизнь – главный объект отражения – Пташников и воспринимает сложно: любит и критикует, восхищается и что-то отвергает. В рассказах, повестях, романах И. Пташникова стремление к полноте выявления человеческой индивидуальности идет наравне с широким охватом окружения, в котором живут герои. У И. Пташникова меньше социальности, чем у И. Чигринова, его герои не спорят на философские и политические темы, не руководят какими-то общественными и военными структурами, но их духовная жизнь не менее глубокая и богатая.

Иван Пташников – писатель более драматического склада в сравнении с литераторами его поколения: И. Чигриновым, М. Стрельцовым, Б. Саченко. Причем именно в произведениях о военном времени ярко выявилось своеобразие таланта названных авторов. В их повестях и романах наблюдается очень органичное слияние объективной картины войны и напряженных духовных драм, трагичности переживаний людей. Объединяет этих прозаиков общий *нафос* творчества – стремление показать моральный дух народа во время исторической драмы, проследить, как в борьбе с жестокими обстоятельствами идет испытание каждого человека в отдельности и человеческих коллективов, оценить психологию человека с точки зрения народной морали и принципов *гармоничности бытия*.

Действие всех произведений И. Пташникова происходит на родине писателя – на Витебщине. В повести «Тартак» (1968), где показаны ужасы существования местного населения под оккупацией, утверждается неодолимость жизни, а человек здесь выступает как носитель высшей формы исторической активности.

Самая характерная особенность произведений как И. Чигринова, так и И. Пташникова – ут-

верждение жизни наперекор смерти, творчества наперекор разрушению, деструкции. В повести И. Пташникова «Найдорф» (1976), отмеченной Государственной премией БССР имени Якуба Коласа, герои в условиях военной блокады все время вспоминают довоенную жизнь. Жизнь в воспоминаниях для героев – Жаворонка и Алеши – это настоящая жизнь, и именно память помогает в их безрадостном существовании.

Произведения писателей, переживших войну в детстве, – правдивые свидетельства времени, и каждый из творцов предстает в неповторимости, своеобразии своей творческой манеры.

Размышляя о том, какой должна быть литература о войне, известный писатель-фронтовик Алесь Савицкий отмечал, что белорусская литература сделала необычайно много в показе героизма, мужества народа: «Понять истоки этого мужества – по-моему, и является задачей литературы о войне» [8, с. 9]. Художественная литература Беларуси эту благородную задачу выполнила.

А наша задача сегодня – сохранять и защищать память о мужестве, героизме народа в годы лихолетья. Помнить об этом времени во многом помогают произведения белорусских писателей – участников и свидетелей драматических событий.

Библиографические ссылки

1. Спицын Е. Не «оттепель», а «слякоть». *Завтра*. 2020, 6 марта. с. 8.
2. Куняев С. К предательству таинственная страсть. *Наш современник*. 2019;12:110–163.
3. Навуменка І. Голас пакалення. В: Шамякін І. *Збор твораў. Том 1*. Мінск: Мастацкая літаратура; 1965. с. 3–17.
4. Каваленка В. *Іван Шамякін. Нарыс жыцця і творчасці*. Мінск: Народная асвета; 1980. 207 с.
5. Шамякін І. *Збор твораў. Том 13*. Мінск: Мастацкая літаратура; 2013. 710 с.
6. Бугаёў Д. *Васіль Быкаў. Нарыс жыцця і творчасці*. Мінск: Народная асвета; 1987. 207 с.
7. Бельскі А. *Алесь Адамовіч. Беларуская літаратура: XI–XX стст.* Бельскі АІ, Кароткі УГ, Навуменка ПІ, рэдактары. Мінск: Аверсэв; 1999. с. 282–283.
8. Савицкий А. Понять истоки мужества... *СБ. Беларусь сегодня*. 2009, 12 февраля. с. 9.

References

1. Spitsyn E. Not «thaw», but «slush». *Zavtra*. 2020, 6 March. p. 8. Russian.
2. Kunyayev S. To the betrayal of a mysterious passion. *Nash sovremennik*. 2019;12:110–163. Russian.
3. Naumenka I. Voice of generation. In: Shamyakin I. *Zbor tvoraw. Tom 1* [Collected works. Volume 1]. Minsk: Mastackaja litaratura; 1965. p. 3–17. Belarusian.
4. Kavalenka V. *Ivan Shamyakin. Narys zhyccja i tvorchasci* [Ivan Shamyakin. Essay on life and work]. Minsk: Narodnaja asveta; 1980. 207 p. Belarusian.
5. Shamyakin I. *Zbor tvoraw. Tom 13* [The collected works. Volume 13]. Minsk: Mastackaja litaratura; 2013. 710 p. Belarusian.
6. Bugaev D. *Vasil' Bykaw. Narys zhyccja i tvorchasci* [Vasil Bykov. Essay on life and work]. Minsk: Narodnaja asveta; 1987. 207 p. Belarusian.
7. Belsky A. *Ales' Adamovich. Belaruskaja litaratura: XI–XX stst.* [Ales Adamovich. Belarusian literature: 19th–20th centuries]. Belsky AI, Karotki UG, Navumenka PI, editors. Minsk: Aversev; 1999. p. 282–283. Belarusian.
8. Savitsky A. Understand the origins of courage... *SB. Belarus' segodnya*. 2009, 12 February. p. 9. Russian.

Статья поступила в редколлегию 14.04.2020.
Received by editorial board 14.04.2020.